

М. Карасёва

*музыковед, заслуженный деятель искусств Российской Федерации,
доктор искусствоведения, профессор Московской государственной
консерватории им. П. И. Чайковского*

Зима, темный вечер, снежные завалы на улицах, перерытый вдоль и поперек город, готовящийся встретить свой тысячелетний юбилей во всем архитектурном блеске. 2003 год. Один из моих первых приездов в Казань. Трудный декабрь, заканчивавший еще более трудный для меня год, в котором ушли сначала мой отец, а затем и мой научный руководитель Юрий Николаевич Холопов. Я приехала в Казань с двойной целью: для выступления на заседании только что образованного в консерватории диссертационного совета вуза и следом – для участия в составе комиссии Министерства образования РФ в аттестации Казанской государственной консерватории. Приехала – и в первую же ночь достаточно серьезно загрипповала – работать пришлось далее при температуре и прочих неприятных симптомах ОРВИ. Настроение было соответствующее, я уныло и одиноко отлеживалась вечерами в своей гостинице. В один из таких вечеров мне позвонила моя подруга-однокурсница по Московской консерватории Лена Хадеева и сказала: «Все, решено, сегодня забираю тебя к себе домой, посидим вдвоем, я уже договорилась с Зулей».

Милые мои девочки, я была вам очень благодарна за ту встречу. Мы ели какие-то салаты, запасенные Леной, делали фотографии и говорили, говорили. Некоторые ветви этих разговоров помнятся до сих пор. Тогда я увидела Зулю после большого перерыва (и, как оказалось потом, встретила ее в последний раз). Зуля была необыкновенно хороша: фигура сохранила девичью стройность, а в манере держать себя проглядывало что-то аристократическое в самом лучшем смысле этого слова. Вот, подумала я тогда, как надо себя сохранять, переходя в другое возрастное измерение...

Собственно, она всегда была необыкновенно хороша, свежа. В ней была какая-то полетность, та степень легкости, которая ассоции-

руется не просто с хорошим, веселым характером, но в первую очередь с легкостью духа, с его движением. Казалось, что Зуля была всегда куда-то устремлена. Так оно и было.

Мы познакомились с ней осенью 1977 года, когда мы пришли после вступительных экзаменов на первый курс в Московскую консерваторию. Гармонию нам преподавал Степан Степанович Григорьев, который жил в Доме композиторов, недалеко от консерватории. Учебных классов, как всегда, не хватало, и его ученики занимались практическими занятиями с профессором у него дома, приходили на урок по два-три человека. Мы с Зулей поднимались по старым лестницам знаменитого дома, входили, надевали одни из бесчисленных матерчатых тапочек, лежащих в прихожей, и заходили в рояльную комнату. Хозяин квартиры и его жена Надежда Сергеевна Николаева (преподававшая нам историю зарубежной музыки) были очень благосклонны к нам, у нас с ними установились дружеские отношения (которые не изменило даже то, что я предпочитала приносить профессору задачи, решенные мною в современном стиле, который, как было всем известно, ему не нравился). Зуля далее продолжила занятия с С. С. Григорьевым в рамках специального дипломного класса, написав работу по творчеству Н. Жиганова и продолжив развивать эту тему уже в аспирантуре.

Наш курс был в большой степени многонациональным: у нас были студенты из самых разных уголков России, а также представители многих союзных республик. Общежитие Московской консерватории в то время считалось весьма комфортабельным по сравнению с другими музыкантскими дормиториями Москвы: в комнатах было всего по два студента, в каждом помещении стояло пианино – словом, это было хорошее место для того, чтобы зайти к однокурсникам в гости, подготовить совместный семинар, поучить музыкальную «угадайку» по истории музыки и, наконец, «под всем этим соусом» попробовать что-нибудь из экзотических блюд, которые готовили на общажной кухне или же периодически получали посылками с поездом наши друзья из других республик. Именно таким образом, зайдя по

каким-то делам к Зуле, я однажды впервые познакомилась со вкусом чак-чака, который потом неизменно стала привозить из Казани.

В Зуле меня всегда удивляла ее способность к впитыванию самой культурной атмосферы, того, что вроде бы было за пределами музыкальных академических занятий. Живя в Москве, она, казалось, стремилась вобрать ее с разных сторон. Я помню, что она однажды сказала мне, что начала учить арабский язык, заворотив меня своим сообщением о том, что в арабском языке, оказывается, есть лунные и солнечные согласные. Также я была удивлена и восхищена, когда Зуля сказала мне, что останется летом в Москве для того, чтобы в качестве волонтера принять участие в летней Олимпиаде-80 и что она ходит на специальные танцевальные репетиции, чтобы получить возможность выступить на торжественных празднествах, посвященных открытию Олимпиады. А еще она рассказывала, что зачитывается только что вышедшим в «Новом мире» романом Чингиза Айтматова «И дольше века длится день».

Почему я сохранила в памяти все эти подробности? Видимо, потому что Зуля умела удивлять – своей непохожестью на других, заражать – своим весельем, заряжать – своей необыкновенно теплой энергетикой. Рядом с Зулей мир виделся и ощущался светлее, добрее и шире. Я смотрю на те последние наши совместные фотографии 2003 года и вспоминаю нежный звук ее голоса, ее улыбку и то, о чем она говорила и что волновало ее тогда: о важности сохранить и воспитать в новом поколении студентов чувство значимости культуры и духовности.

АНГЕЛ НА ЗЕМЛЕ...

Р. Мухитдинова

пианистка, композитор

Есть среди нас люди, одним лишь присутствием своим способные согреть душу. Удивительные! Светлые! Подобные ангелам! Ангелам на Земле... И так больно, когда они улетают к себе домой, на небеса, где им и положено обитать по всем законам Вселенной!..

Однажды мне посчастливилось встретиться с таким ангелом. Жаль, не повезло общаться тесно... Но даже нескольких случайных встреч хватило, чтобы на всю жизнь согреться в лучах ее светлой и большой души.

Милая Зульфира Якубовна! Как не хочется говорить о Вас в прошедшем времени! Как жаль, что Ваш земной путь оказался столь коротким! Но знаю: Вы есть! Никто из нас не исчезает бесследно. И Вы теперь в лучшем из миров! Да дарует Всевышний мир и покой Вашей душе!

ПОДАРОК СУДЬБЫ

Р. Салехов

*гобоист, с 1985 по 2010 год – солист оркестра
Татарского государственного академического театра оперы и балета
им. М. Джалиля, с 1990 по 2006 год – преподаватель
Казанской государственной консерватории им. Н. Г. Жиганова*

В тот день в Москве стоял солнечный сентябрьский день бабьего лета. Я ехал на автобусе в консерваторию и на одной из остановок посмотрел в окно. Мое внимание привлекла красивая девушка в зеленом пальто, зеленом берете, обрамленном кудряшками золотых волос, с коричневым портфелем в руке. Она чему-то улыбалась своей открытой, солнечной, лучезарной улыбкой, ее лицо украшала россыпь веснушек. Мне захотелось сойти и познакомиться с ней, но пока я раздумывал, двери закрылись и автобус поехал дальше. Долго я сожалел о своей нерешительности и нерасторопности.

В конце декабря я был приглашен на день рождения однокурсницы. Можете представить мою радость и удивление, когда, открыв двери комнаты общежития, где проходило торжество, я увидел ее – рыжую девушку. Она училась на третьем курсе теоретико-композиторского факультета Московской консерватории и жила в одной комнате с именинницей. Я учился на первом курсе оркестрового факультета по классу гобоя, и удивительно, что встретиться довелось только сейчас!..